

Особенности криминальной ситуации на советском Дальнем Востоке (1960—1991)

Лариса Александровна Крушанова,
кандидат исторических наук, научный сотрудник
отдела социально-политических исследований
Института истории, археологии и этнографии на-
родов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: larrie@list.ru

В статье анализируется экономическая, общеуголовная преступность, а также преступления против общественного порядка на Дальнем Востоке СССР в 1960—1991 гг.

Ключевые слова: преступность, экономические преступления, преступления против жизни и здоровья, антиалкогольные кампании, Дальний Восток.

Criminality in the Soviet Far East (1960—1991).

Larisa A. Krushanova, Cand. Sc. (History), researcher in the Department of Social and Political Studies, the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok.

The author considers the economic and general crimes as well as the crimes against public order in the Far East of the USSR in 1960—1991.

Key words: criminality, economic crimes, crimes against life and health, prohibitionists' campaigns, the Far East.

В советский период политическое руководство СССР уделяло особое внимание борьбе с преступностью в целях обеспечения безопасности советских граждан и государства в целом через удержание преступности на социально приемлемом уровне. Историография этой темы ограничена: монография В.Ж. Дорохова [12] и публицистическое издание А.П. Пирагиса [18]. Отдельные сюжеты отражены в учебном пособии по организованной преступности на Дальнем Востоке [16, с. 81—82] и в статье Д.А. Кузнецова [14]. Столь незначительное количество работ свидетельствует о том, что эти процессы ещё не нашли отражения в работах специалистов, и наша задача — заполнить этот пробел в истории отношений власти и общества.

При подготовке этой статьи наибольшую трудность вызвало отсутствие введённых в научный оборот статистических данных. В 1987 г. с темы преступности был снят гриф секретности, однако первые статсборники отражают ситуацию только с 1990 г. Поэтому более-менее полные данные, дающие представление о состоянии преступности в регионе за период с 1961 по 1991 г., мы приводим впервые. Источниковой базой ра-

боты стали документы фондов государственных архивов Приморского и Хабаровского краёв, архива УВД Приморского края и Государственного архива Российской Федерации.

Амнистия 1953 г., реформирование системы управления, активизация социальных и миграционных процессов ухудшили криминальную обстановку: с 1954 по 1958 г. общее количество преступлений выросло на 40,2% [25]. Перед руководством страны среди прочих задач по улучшению жизни людей стояла задача, с одной стороны, обуздать преступность, с другой — продемонстрировать смягчение уголовной политики и методов борьбы с преступностью.

В 1958 г. взамен «Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик» (1924) вступили в силу «Основы уголовного законодательства Союза ССР», сужавшие и смягчавшие ответственность граждан за деяния, не представлявшие большой опасности для общества и государства. На их базе в 1960 г. был принят Уголовный кодекс РСФСР [24], в нём государство подтвердило отказ от наиболее одиозных статей предыдущего кодекса. В частности, была отменена уголовная ответственность родственников «изменника Родины», исключено понятие «социально вредного элемента», максимальный срок лишения свободы сократился с 25 до 15 лет, минимальный возраст привлечения к уголовной ответственности поднялся с 12 до 14 лет, применение к несовершеннолетним смертной казни не допускалось и т.д. 86% преступлений, отражённых в УК, предусматривало наказания в виде лишения свободы [27, с. 38]; наказания без лишения свободы были сохранены. В первоначальном замысле законодателя присутствовал отказ от смертной казни, но ухудшение криминальной обстановки в стране заставило политическое руководство вернуться к практике её применения.

Для советской уголовной политики характерным было регулярное дополнение уголовного кодекса указами, постановлениями и другими законодательными актами для усиления репрессивной составляющей¹ либо привлечения внимания правоохранительных органов всех уровней к конкретным видам преступлений². В 1970—1980-х гг. акцент был сделан на профилактике преступлений³. Важное место занимала борьба

¹ Вышли указы Президиума Верховного Совета СССР, допускавшие применение смертной казни: «Об усилении борьбы с особо опасными преступлениями» от 5 мая 1961 г.; «Об усилении ответственности за посягательство на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции и народных дружинников» от 15 февраля 1962 г.; «Об усилении уголовной ответственности за изнасилование» от 15 февраля 1962 г.

² Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 547 от 23 июля 1966 г. «О мерах по усилению борьбы с преступностью»; «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно-полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни» от 4 мая 1961 г.; «О борьбе с открытой мелкой спекуляцией» от 12 сентября 1957 г.

³ Указ Верховного Совета СССР «Об административном надзоре органов милиции за лицами, освободившихся из мест лишения свободы» от 26 июля 1966 г.; Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «Положение о наблюдательных комиссиях» от 30 сентября 1965 г.

с пьянством (1972, 1985), а позже — с наркоманией (1972, 1976, 1986) [17]. По подсчёту С.Г. Чаадаева, с 1 января 1961 г. по 1 января 1985 г. были вновь внесены и дополнены свыше 63% статей. В Особенную часть включено 49 новых статей, т.е. 22% ко всем действующим на тот момент [27, с. 54]. В 1984 г. ввели в действие Кодекс об административных правонарушениях РСФСР (КоАП), по которому хулиганство, хищения, спекуляция признавались мелкими, а такие действия, как нарушение правил торговли, доведение несовершеннолетнего до состояния опьянения, продажа алкогольной продукции домашней выработки, занятие проституцией, запрещёнными видами индивидуальной трудовой деятельности, азартные игры и др., были переведены в категорию административных правонарушений.

В Особенной части Уголовного кодекса виды преступления и наказания за их совершение расположены в порядке уменьшения социальной опасности. На первом месте — государственные преступления, на втором — преступления, направленные на хищение государственной и общественной собственности, на третьем — против жизни и здоровья граждан, на четвёртом — против личного имущества граждан, на шестом и седьмом месте — хозяйственные и должностные преступления, на десятом — преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения. В рамках данной статьи не рассматриваются государственные преступления, поскольку на общую криминальную ситуацию они не влияли.

Наибольшую значимость для советского государства имели хищения государственной или общественной собственности [Уголовный кодекс РСФСР, ст. 89—101]. Повышенное внимание политического руководства СССР к экономической преступности было обусловлено, с одной стороны, исключительным правом государства на собственность, с другой — масштабами, темпами роста и характером последствий. Эти посягательства имели не только прямые, но и более глубокие косвенные последствия социального, экономического, политического и идеологического плана и являлись базой морального разложения советского общества. Перед органами власти всех уровней стояла задача обеспечения экономической безопасности, в т.ч. посредством ведения борьбы с различными формами посягательств на государственную собственность.

В стране регулярно издавались указы и постановления по борьбе с хищениями, приписками, очковтирательством и разбазариванием. В структуре зарегистрированных в РСФСР преступлений хищения [ст. 89—93.1, 96] в 1961 г. составляли 21,5%, в 1965 г. — 24,6% [ГАРФ. Ф.А-428. Оп. 3, Д. 604. Л. 7—20]. Почти треть всех смертных приговоров (а это несколько сотен ежегодно) выносилась в СССР за коррупцию в особо крупных размерах или за нелегальную предпринимательскую деятельность [29]. Ущерб от этого вида преступлений был колоссальным и на Дальнем Востоке. Так, в Приморье в первой половине 1960 г. сумма растрат и хищений составила 4 млн 154 тыс. руб. [ГАПК. Ф.П-68. Оп. 30. Л. 5, 17; Оп. 101. Д. 146, л. 75], в 1973 г. — 345,8 тыс. руб., в 1977 г. — 532,8 тыс. руб., в 1983 г. — 836 тыс. руб. [ГАРФ. Ф. 1210. Оп. 2. Д. 5. Л. 25об; Д. 20. Л. 19об; Д. 41. Л. 25об].

В Хабаровском крае по линии ОБХСС в 1961 г. зарегистрировано 931 преступление, в 1963 г. — 1174, в 1961 г. — 1051 преступление [ГАРФ. Ф.П-35. Оп. 94. Д. 12, 19; Оп. 111. Д. 203. Л. 50]. В 1974 г. по неполным данным из 1576 выявленных расхитителей к уголовной ответственности привлечли 1244 чел. [ГАХК. Ф.П-35. Оп. 102. Д. 12. Л. 35]. Ущерб от похищенного составил в 1961 г. — 294,2 тыс. руб., 1967 г. — 255,2 тыс. руб. [12, с. 81], в 1975 г. — 2 млн 245,3 тыс. руб. [ГАХК. Ф.П-35. Оп. 102. Д. 12. Л. 38], 1983 г. — 1 млн 150 тыс. руб. [ГАХК. Ф.П-35. Оп. 94. Д. 12. Л. 19; Оп. 111. Д. 203. Л. 50]. В ЕАО в 1960 г. было возбуждено 60 уголовных дел, за 9 месяцев 1961 г. — 78 дел. Правда, сумма ущерба уменьшилась с 57,5 до 53 тыс. руб. [ГАХК. Ф.П-35. Оп. 79. Оп. 269. Л. 140].

В Камчатской области за 9 месяцев 1967 г. было зарегистрировано 96 преступлений, а за тот же период 1968 г. уже 125 (из них два преступления — хищения в особо крупных размерах). Сумма ущерба составила 56,7 тыс. руб. [ГАРФ. Ф. А-461. Оп. 11. Д. 2031. Л. 11]. На Дальнем Востоке в 1967 г. сумма похищенного составила 1 694 530 руб., число привлечённых — 4398 чел. [ГАРФ. Ф.А-461. Оп. 11. Д. 1960. Л. 6об., 86об., 142, 194об., 214об.], или 385 руб. на каждого.

В 1974 г. бригада Прокуратуры РСФСР выявила подобные преступления в организациях государственной торговли, в системе «Облрыболовпотребсоюза», на предприятиях молочной, мясной, местной и пищевой промышленности Магаданской области. Особенно крупными были хищения золота в «Северовостокзолоте»: в 1972 г. — на 688 тыс. руб., в 1973 г. — 725 тыс. руб. В первом полугодии 1974 г. выявлено приписок на 469 тыс. руб. [ГАРФ. Ф.А-461. Оп. 11. Д. 2670. Л. 6—7].

Наказания за хищение социалистической собственности были самыми тяжёлыми — вплоть до применения смертной казни. В период кампании по борьбе с расхитителями социалистической собственности с ноября 1962 г. по июль 1963 г. (за 9 мес.) в СССР прошло более 80 «хозяйственных» процессов, было вынесено 163 смертных приговора [20]. В Приморье к различным срокам заключения суд в 1960 г. по неполным данным приговорил 569 чел., в т.ч. 333 работника торгующих организаций [ГАПК. Ф.П-68. Оп. 101. Д. 146. Л. 98], 1981 г. — 1028 чел., в 1984 г. — 1277 чел., в 1987 г. — 610 чел. [ГАПК. Ф. 1210. Оп. 2. Д. 25. Л. 1; Д. 88. Л. 7]. По ст. 93.1 УК РСФСР¹ за период 1978—1979 гг. и 1981—1987 гг. суды Приморья вынесли 136 смертных приговоров [ГАПК. Ф. 1210. Оп. 2. Д. 15. Л. 11—11об., Д. 20. Л. 22—22об., Д. 25. Л. 1; Д. 31. Л. 4—4об. Д. 35. Л. 2—2об. Д. 41. Л. 23—23об. Д. 50. Л. 2—2об. Д. 60. Л. 1—1об. Д. 72. Л. 14—14об. Д. 88. Л. 7]. В Хабаровском крае в 1974 г. было осуждено 1066 чел., в том числе приговорено к лишению свободы 592 чел. (55,5%) [ГАХК. Ф.П-35. Оп. 102. Д. 12, 36].

Суровость наказаний не стала преградой для дальнейшего роста экономической преступности, т.к. была зеркальным отражением системных противоречий. К тому же в условиях либерализации ослабла дисциплина

¹ Хищения государственного и общественного имущества в особо крупных размерах, т.е. от 10 тыс. руб. и выше.

и в отделах по борьбе с хищениями социалистической собственности: дела заводили, а расследований по ним или не проводили, или приступали к ним не ранее чем через 3—6 месяцев. Дальневосточная практика богата такими примерами. В Находке в 1964 г. следователю Г. поступило агентурное дело «Большой», в котором «разрабатывались» 3 чел. Не ознакомившись с этим делом, он сдал дело в архив. Необоснованно были прекращены два агентурных дела «Нахлебники» (Яковлевский р-н Приморского края). По 12 агентурным делам, заведённым в Уссурийском городском отделе милиции, проходило около 30 чел., и только 9 из них привлекли к уголовной ответственности [ГАПК. Ф.П-68. Оп. 30. Д. 548. Л. 275].

Работники прокуратур отмечали, что сотрудники ОБХСС крайне неохотно ведут расследования таких преступлений, а многие расхитители и растратчики избегают уголовной ответственности. Об этом говорил на совещании руководящего состава органов прокуратуры, суда, внутренних дел, КРУ и торговых организаций, проходившем 11 июля 1962 г., заместитель прокурора по Приморскому краю А.С. Чижиков. Он обратил внимание присутствующих на бывшего начальника отдела Приморского совнархоза Андреева: «...заворовался, ведь при его уровне ему надо сидеть в тюрьме, а он работает заместителем директора завода». На том же совещании второй секретарь крайкома КПСС Г.Н. Балакин говорил: «У нас в крае осуждено более двух тысяч человек за хищения. Можно судить ещё столько же» [ГАПК. Ф.П-68. Оп. 30. Д. 791. Л. 206, 210].

Причиной роста экономических преступлений была либерализация экономических отношений при острой нехватке самого необходимого, что в совокупности усиливало размывание советской идеологии. Но традиционно это явление списывалось на недоработку кадрового вопроса. «Слабая работа по подбору и воспитанию кадров», — писал прокурор Приморского края, государственный советник юстиции 3 класса Кононенко Первому секретарю Приморского крайкома КПСС В. Чернышёву. На руководящие и ревизорские должности иногда принимали «жуликов и взяточников, способствовавших растратчикам и ворам» [ГАПК. Ф.П-68. Оп. 101. Д. 146, Л. 97]. Принятие на должность таких работников и попустительство их действиям были зачастую выгодны вышестоящим должностным лицам, так как сулили им немалые материальные выгоды. «Охранной грамотой» для лиц, занимавших высокие посты, являлось членство в партии. В случае их причастности к хищениям и растратам по негласному правилу они не могли быть отданы под суд до тех пор, пока не исключат их из партии. В начале 1970-х гг. 90% советских управленцев, совершавших экономические правонарушения, отделялись лишь партийными взысканиями [29].

На криминальную ситуацию в целом по стране, в том числе на Дальнем Востоке, влиял рост спекуляции. Увеличение доходов населения меняло потребности советского человека, однако возможности экономики оказались ограниченными. На протяжении нескольких десятилетий деятельность мелких кооперативов, занимавшихся пошивом одежды, обуви, головных уборов, снижала товарный дефицит. Однако во второй поло-

вине 1950-х гг. их ликвидировали, так как другой стороной их деятельности был рост хищений на госпредприятиях. В 1961 г. в Москве состоялся суд над группой из 25 чел., возглавляемой Б. Ройфманом, которая занималась выпуском «левой» продукции, т.е. частнопредпринимательской деятельностью. Б. Ройфман и ещё несколько человек были приговорены к расстрелу [20].

Освободившуюся от кооператоров нишу в 1960-х гг. заполнили спекулянты — как их называли «фарцовщики». Государство облачило их не только в идеологическую «форму», но и придало эстетическое «содержание», первоначально изображая неопрятными молодыми юнцами, попрошайничавшими у иностранцев жвачку, галстуки, значки, сувениры и т.д. Правда, иностранцы также пользовались услугами «фарцовщиков» — предметами купли-продажи стали армянский коньяк, фотоаппараты, часы т.д. [26].

В СССР усилилась тенденция изменения характера и условий совершения экономических преступлений. В стремлении к «лучшей жизни» люди вынуждены были прибегать к их услугам. В 1960-х гг. в теневом секторе экономики участвовало около 10 млн. чел., а её объём — 5 млрд. руб. [8, с. 40]. Законодательный запрет и огромные денежные обороты заложили основу для зарождения коррупции.

Отношение государства и общества к этому явлению было неоднозначным. Люди требовали от властей закрыть «барахолки» и обеспечить продажу дефицитных товаров в магазинах: «...спекулянты в городах края... нарушают нормальную государственную торговлю, причём многие из них действуют совершенно открыто и тем самым вызывают возмущение граждан» [ГАПК. Ф.П-68. Оп. 101. Д. 146. Л. 21]. Сотрудники внутренних дел выявляли на рынках людей, занимавшихся противозаконной торговлей, применяя различные виды наказаний: от штрафа до лишения свободы, в том числе с конфискацией имущества [Уголовный кодекс РСФСР, ст. 154].

Для Приморского края спекуляция была весьма распространённым явлением и имела свою специфику: через два крупных порта — Владивосток и Находка — в край поступали товары массового спроса, а также регулярно осуществлялся обмен валюты моряками заграничания через фарцовщиков, которые не только обменивали валюту у моряков, но занимались мелкой спекуляцией (советские моряки торгового флота, привозя для собственного пользования из-за границы одежду, обувь и др., частично их продавали на барахолках). Самая известная «барахолка» была во Владивостоке в районе Голубиной Пади (между остановками транспорта Гоголя — Фуникулёв, в конце 1970-х гг. — «Зелёного угла» — теперь место крупнейшего автомобильного рынка России).

Другой источник поступления товаров на рынки — большое количество торговых баз в регионе, что было обусловлено экономическими связями СССР и Японии. СССР поставлял Японии уголь, руду, лес, нефть и другие товары, Япония, кроме промышленного оборудования, — ткани и товары широкого потребления, сбыт которых был затруднён на мировом рынке [22]. Оседая на Владивостокской, Находкинской, Ванинской и других

товарно-промышленных базах, часть из них оказывалась на местных барахолках. С баз товар распродался в течение двух недель по государственным ценам «своим людям» или «надёжным магазинам». (Цена на них не завывшалась, так как правоохранные органы за такое преступление лишали работников базы свободы, а их имущество конфисковывали). Такая схема позволяла отчитываться о выполнении плана продаж, гарантировала премию и практически получение процента с той суммы, по которой продавались товары на «чёрном рынке».

Законодательно борьба со спекуляцией на Дальнем Востоке велась активно, как и по всей стране. Так, в Приморье с 1960 по 1963 г. по Указу Верховного Совета РСФСР «О борьбе с открытой мелкой спекуляцией» (от 12 сентября 1957 г.) было привлечено к уголовной ответственности 1167 чел. [Архив управления... Ф. 18. Оп. 3. Д. 39. Л. 1—4. Д. 40. Л. 2—8. Д. 41. Л. 9]. С 1973 по 1987 г. число лиц, привлечённых к уголовной ответственности за спекуляцию, составило 1 261 чел., к административной — с 1978 по 1987 г. — 334 чел. [ГАПК. Ф. 1210. Оп. 2. Д. 5. Л. 25; Д. 7. Л. 3; Д. 9. Л. 1; Д. 10. Л. 4; Д. 13. Л. 1; Д. 20. Л. 19; Д. 25. Л. 1; Д. 31. Л. 1; Д. 35. Л. 1; Д. 42. Л. 25; Д. 50. Л. 3; Д. 60. Л. 41; Д. 72. Л. 10; Д. 88. Л. 7]. Анализ данных привлечённых к ответственности за четыре года первой половины 1960-х гг. и пятнадцать лет, указанных выше, показал одинаковое число лиц, привлечённых к уголовной ответственности, т.е. спекулянты адаптировались к той жёсткой правовой ситуации, в которой им приходилось действовать.

В 1980-х гг. спекуляция приобрела широкий размах. Это было вызвано ростом материального благополучия населения и отсутствием в госторговле повседневных товаров — яркой и красивой одежды, модных очков и сумок, женской и мужской косметики и т.д. Советские предприятия производили одежду качественную, из хороших тканей, но неинтересных моделей, а производство галантерейных товаров ориентировалось на повседневное использование.

В 1970—1980-е гг. советский «чёрный рынок» превратился в целую систему с разделением труда и ролей, с оборотами в десятки тысяч рублей. В 1980-х гг. «вчерашние» юнцы стали лицами, ведущими незаконную предпринимательскую деятельность [Уголовный кодекс РСФСР, ст. 162]. В СССР зарождался и набирал обороты новый класс, идеологически не вписывавшийся в советскую систему ценностей, — предприниматель. Используя предпринимательскую «жилку», фарцовщики искали возможность «достать» товар. Одни контактировали с иностранцами, выменивали у них вещи, другие (моряки заграничания), рискуя закрытием визы, привозили чаще всего небольшими партиями вещи и отдавали их на реализацию молодым предприимчивым людям, третьи выступали посредниками между моряками и молодыми предприимчивыми людьми; четвёртые — использовали свои должностные возможности (сотрудники гостиниц, ресторанов, практиканты интерклубов и др.).

Правоохранные органы, а в некоторых случаях и органы госбезопасности уделяли этому явлению пристальное внимание. На «карандаш» брали работников торговли, задержанных за продажу товаров, приобре-

тённых в магазинах по завышенным ценам, сотрудников оптовых баз, студентов вузов, особенно языковых факультетов, моряков заграничного плавания, чьи члены семьи задерживались за спекуляцию (в таком случае следовали санкции в виде привлечения к административной или уголовной ответственности, наказание в виде штрафа). Обязательно «сигнализировали» по месту работы или учёбы, сотрудников торговых организаций могли уволить, а студентов отчислить из вуза. Несмотря на принимавшиеся меры, снизить количество фактов перепродажи товаров по завышенным ценам не удавалось. Так, в Хабаровском крае в 1979 г. органы БХСС выявили 124 факта уголовно-наказуемой спекуляции, в 1980 г. — 140, в 1981 г. — 144. В 1980 г. по подозрению в спекуляции было задержано 380 чел., в 1981 г. — 405, в том числе 9 работников торговли, 22 студента, 108 рабочих и служащих, 42 пенсионера. Из общего количества привлечённых лиц 52% составляли граждане в возрасте до 30 лет [ГАХК. Ф.П-35. Оп. 108. Д. 215. Л. 81].

Жесткие меры государство применяло в отношении моряков заграничного плавания. Имея возможность привозить востребованные товары, в своих действиях они были ограничены таможенным и уголовным кодексами. Тем не менее некоторые из них шли на нарушение закона. В начале 1970-х гг., по воспоминаниям И.К., произошло несколько случаев, ставших достоянием общественности и предметом обсуждения на собраниях коллективов судоводительских компаний. Так, начальник рации транспортного судна ВРХФ «Охотское море» привёз более 100 париков. Продажей занималась его жена. В результате ему закрыли визу и сняли с должности. В 1975 г. капитан «Гвардейска» привёз 300 м супермодного в те годы трикотина (разрешалось не более 5 м). Как и в первом случае, ему закрыли визу. Показательным было дело инженера завода плавбазы «Сулак». Из Японии он привёз несколько сотен пар очков супермодной модели «зеркальные капли», что уже являлось крупной контрабандой. Сначала он отдавал их перекупщикам за 100 руб. Это дало ему возможность приобрести особо дефицитный автомобиль «Ниву». В дальнейшем он сам продавал очки в г. Усурийске. Итогом такой предпринимательской деятельности стало решение суда о лишении его свободы сроком на 3 года без конфискации. Он подал апелляцию. Суд принял новое решение — лишение свободы сроком на 5 лет с конфискацией имущества [5]. В годы перестройки с ростом кооперативного движения и тотальным дефицитом товаров повседневного спроса перепродажа товаров (если она не носила оптового характера) перестала рассматриваться властями как спекуляция, хотя данная статья из уголовного кодекса РФ не исчезла.

Морская специфика дальневосточного региона, хищения государственной собственности и спекуляция стали фактором появления в 1970-х гг. организованной преступной группы — «третьей смены». «Третьесменщики» специализировались на грабежах и разбоях, шантаже и угрозах в отношении представителей «теневого экономики» — контрабандистов, фарцовщиков, коррумпированных чиновников. В начале 1970-х гг. «третья смена» имела связи с бывшими работниками

правоохранительных органов. Члены этих преступных групп путём шантажа, подкупа, уничтожения улик, использования коррумпированных связей либо уходили от уголовной ответственности, либо получали минимальные сроки наказания [16, с. 81].

На Дальнем Востоке криминальную ситуацию ухудшал рост тяжких преступлений: увеличивалось количество убийств, покушений на убийства, нанесение тяжких телесных повреждений и изнасилований. Для сравнения: коэффициент убийств в 1961 г. в Великобритании составлял 0,57 убийств на 100 тыс. чел., Японии — 2,78, США — 4,8; в 1979 г. — 1,1, 1,6 и 9,7 убийств соответственно; в 1989 г. в США — 12, Финляндии — 3,2, Италии — 2,2, Бельгии — 1,3, Японии — 1,06, Англии — 1,04, в то время как в СССР — 12,4 [30]. Таким же высоким в РСФСР был коэффициент изнасилований: 1961 г. — 9,5, 1989 г. — 14,6 [21].

Органы правопорядка в докладных записках регулярно обращали внимание местных властей на рост этих видов преступлений (см. табл. 1).

Таблица 1

Количество зарегистрированных преступлений против жизни и здоровья (чел.) на Дальнем Востоке в 1961—1991 гг.*

	Приморский край	Хабаровский край	Камчатская область	Магаданская область
1961 г.	368 (89/ 143/ 136)	353 (153/ 98/ 102)		
1971 г.			101 (61/ н.д./ 40)	
1974 г.	720 (159/ 500/ 61)	728 (220/ 428/ 80)		
1979 г.	947 (208/ 672/ 67)			
1991 г.	1657 (402/ 1032/ 223)	1437 (316/ 957/ 164)	211 (63/ 112/ 36)	300 (75/ 167/ 58)

*В скобках приведены данные по убийствам, нанесением тяжких повреждений и изнасилованиям.

Источники: Архив управления... Ф. 18. Оп. 3. Д. 33. Л. 4—7; ГАПК. Ф. 1210. Оп. 2. Д. 20. Л. 19, Д. 50. Л. 3; ГАРФ. Ф. А-461. Оп. 11. Д. 2670. Л. 70; ГАХК. Ф. П-35. Оп. 106. Д. 192. Л. 140; 7, с. 178; 18, с. 90,99; 19, с. 62, 63, 67, 69, 70, 77, 78.

Анализ таблицы показал, что в Приморье количество тяжких преступлений возросло в 5 раз, Хабаровском крае — в 4 раза, в Камчатской области за два десятилетия — в 2 раза. В Магаданской области в период с 1970 по 1973 г. рост преступности составил 21,9%. За 9 месяцев 1974 г. она увеличилась по сравнению с предшествующим годом на 4,2%, при этом снизилось количество убийств (на 10,2%), тяжких телесных повреждений (на 8,0%) и изнасилований (на 23,8%) [ГАХК. Ф. А-461. Оп. 11. Д. 2670. Л. 70]. В 1991 г. количество тяжких преступлений составило 300 (75 убийств, 167 тяжких телесных повреждений и 58 изнасилований) [19, с. 63,70,78].

На показатели преступности влияла профилактическая работа. С 1970-х гг. на первое место вышла борьба с пьянством (1972 и 1985 гг.). Это явление имеет тяжёлые социальные последствия, являясь причиной разводов, снижения рождаемости, провоцируя преступность и преждевременную смертность. В состоянии алкогольного опьянения либо по причине систематического злоупотребления совершалось от 60 до 70% всех преступлений в регионе, до 90% убийств и покушений на убийства, нанесение тяжких телесных повреждений, изнасилования, почти 100% бытовых преступлений.

Уровень алкоголизации населения к началу 1970-х гг. и середине 1980-х гг. достиг предельной отметки. Так, в Хабаровском крае в 1965 г. потребление алкоголя достигло 24,6 л/год [12, с. 178]; в ЕАО с 1972 по 1976 г. выросло на 40 тыс. декалитров и составило 36,7 л/год (в 1972 г. — 33 л/год) [ГАХК. Ф.П-35. Оп. 106. Д. 202а. Л. 137]. На Камчатке в 1967 г. было реализовано 297 358 декалитров, за 8 месяцев 1968 г. — 352 917; потребление соответственно составило в 1967 г. 20,2 л/год, в 1968 г. — 23,9 л/год на человека [ГАРФ. Ф.А-461. Оп. 11. Д. 2031. Л. 3]. Для сравнения: в 1960 г. потребление алкоголя в пересчёте на каждого жителя РСФСР составило 10 л/год, в 1986 г. — 14,2 л/год [6]. В России в первой половине 1980-х гг. эти показатели превышали аналогичные европейские показатели в 2—3 раза¹.

В конце 1950-х гг. политическое руководство страны в Программе КПСС (XXI съезд, 1959 г.) поставило нереальную задачу полной ликвидации преступности. Н.С. Хрущёв считал, что условием эффективной борьбы с преступностью в советском обществе должно стать привлечение широкой общественности к поддержанию правопорядка. В его речах звучало: «Совместно с партийными и комсомольскими организациями профсоюзные организации призваны обратить особое внимание на необходимость искоренения таких чуждых социалистическому обществу явлений, как хулиганство, пьянство, взяточничество, спекуляция, и других отвратительных пережитков прошлого» [7]. Началось активное включение общественности в осуществление правопорядка и передача полномочий народного суда в товарищеские суды по некоторым видам преступлений. Одной из форм участия общественности стала охрана порядка на улицах, другой — создание общественных судов с целью воздействия на правонарушителей или лиц, совершивших незначительные преступления. Эти социальные институты — добровольные народные дружины (ДНД) и товарищеские суды — были законодательно закреплены и существовали до конца советского периода.

После выхода постановления о создании добровольных народных дружин в Приморье в 1959 г. в охране правопорядка приняли участие

¹ В 1960—1970-е гг. потребление алкоголя выросло в мире с 4 л в 1961 г. почти до 6 л в начале 1980-х гг.; к концу 1980-х г. оно стабилизировалось на уровне, немногим превышающем 5 л в год на человека 15 лет и старше. В Европе в начале 1960-х гг. потребление алкоголя составляло около 13 л этанола, к началу 1980-х гг. возросло до 17 л. // *Мировая динамика потребления алкоголя, по странам и регионам*. URL: <http://wolf-kitses.livejournal.com/226051.html> (дата обращения: 31.12.2012).

909 ДНД (26 тыс. дружинников), в 1964 г. — 1143 (51 620 чел.), в 1979 г. — 2,5 тыс. (100 тыс. чел.) [ГАПК. Ф.П-68. Оп. 101. Д. 82. Л. 2; Оп. 30. Д. 548. Л. 238; Д. 1210. Оп. 2. Д. 49. Л. 13]. В Хабаровском крае в 1963 г. действовало 782 дружины (38 327 чел.), к 1967 г. численность дружинников выросла в 9 раз по сравнению с 1959 г., достигнув 39 961 чел. (942 дружины) [ГАХК. Ф.П-35. Оп. 79. Д. 269. Л. 135; 7, с. 127, 184]. В Еврейской автономной области на 1 июня 1959 г. действовало 5 ДНД (240 чел.), к концу 1961 г. — 125 (3920 чел.) [ГАХК. Ф.П-35. Оп. 79. Д. 269. Л. 29], на Камчатке в конце 1970-х гг. — 735 дружин (около 16 тыс. чел.) [18, с. 81].

Вклад общественности в профилактику преступлений был значительным. Итогами такой работы стало задержание в Хабаровском крае от 714 в 1959 г. до 8344 пьяниц, дебоширов, хулиганов, мелких воришек, грабителей — в 1966 г. На железной дороге с участием граждан в 1959 г. органы внутренних дел раскрыли 36,2% преступлений [12, с. 130—131]. В 1962—1963 гг. было предупреждено свыше 300 преступных проявлений и задержано около 420 преступников [ГАХК. Ф.П-35. Оп. 90. Д. 96. Л. 316].

В Приморье в 1960 — первом квартале 1961 г. дружинники пресекли 345 нарушений общественного порядка и уголовных преступлений, задержали и доставили в органы милиции 3570 чел., в 1965 г. — 3857 чел.; в 1964 г. раскрыли 175 и предотвратили 176 преступлений [ГАПК. Ф.П-68. Оп. 30. Д. 553. Л. 6; Д. 548. Л. 238; Д. 791. Л. 238]. На Камчатке силами ДНД регулярно проводились операции по борьбе с аварийностью на дорогах — «Вихрь», с туеядством — «Утро», с пьянством — «Трезвость», по надёжности охраны торговых точек — «Резерв» и др. [18, с. 91]. Аналогичные операции осуществлялись в Хабаровском крае («Волна» — выявление антисоциальных элементов), в Приморье. В Сахалинской области к концу 1961 г. силами ДНД была проведена профилактическая работа с 5640 чел., задержаны 3850 чел., выявлены 112 уголовных преступников. Общее снижение преступности составило 16%, хулиганства — на 27% [14, с. 138].

Наиболее весомым вклад дружинников оказался в выявлении лиц, находившихся в состоянии алкогольного опьянения в общественных местах. Совместными усилиями милиции и ДНД с улиц Приморского края в 1971 г. было изъято и доставлено в медвытрезвители 59 тыс. чел., в 1972 г. — 64 тыс. чел., в 1975 г. — более 80 тыс. пьяных [ГАПК. Ф.П-68. Оп. 53. Д. 57. Л. 14; Оп. 54. Д. 333. Л. 26]. В Хабаровском крае в 1960 г. подобрано 13 537 пьяных, в 1961 г. — 25 200, в 1966 г. — 54 400. В 1970 г. в медвытрезвители края поместили почти 46 тыс. чел., в 1972 г. задержано 53,8 тыс. пьяных, из них доставлено в вытрезвитель 43,6 тыс.; в 1980 г. — 47,8 тыс., что на 9% больше, чем в предшествующем году [ГАХК. Ф.П-35. Оп. 98. Д. 6. Л. 10; Оп. 101. Д. 15; Оп. 108. Д. 215. Л. 6]. В 1981 г. мерам административного воздействия за пьянство подверглось 89 тыс. чел., в том числе более 62 тыс. доставлено в медвытрезвители [ГАПК. Ф.П-35. Оп. 109. Д. 215. Л. 88], на Сахалине за 1961 г. — 814 чел. [14, с. 138].

Моральное воздействие на правонарушителей призваны были осуществлять товарищеские суды, которые создавались на предприятиях численностью более 50 чел. Как правило, дела на лиц, совершивших ма-

лозначительные преступления, из народных судов направлялись в товарищеские суды, главной задачей которых было взятие провинившихся на поруки коллектива. В Приморье к концу 1970-х гг. насчитывалось более 3 тыс. товарищеских судов [ГАПК. Ф. 1210. Оп. 2. Д. 49. Л. 13]. В 1960 г. и первом квартале 1961 г. в товарищеские суды края на поруки передали 961 чел. В 1978 г. в товарищеских судах было рассмотрено 16 411 дел в отношении 19 001 чел., в том числе за нарушение законодательства по борьбе с пьянством — 4 182 чел., совершение мелких хищений — 2 872 чел., мелкого хулиганства — 2 341 чел. [ГАПК. Ф.П-68. Оп. 30. Д. 553. Л. 10; Ф. 1210. Оп. 2. Д. 22. Л. 78].

В Хабаровском крае к ноябрю 1961 г. действовало более 1050 товарищеских судов [12, с. 127]. В 1960 г. с участием общественности было рассмотрено 330, в 1961 г. — 189 уголовных дел. В среднем каждое десятое преступление направлялось на рассмотрение в товарищеские суды. Если дело рассматривалось в районном суде, то материалы суда направлялись в коллективы для обсуждения на собраниях. Так, в 1960 г. было направлено 859 уголовных дел, в 1961 г. — 529. За 2 года (с 1959 по 1961 г.) на товарищеских судах рассмотрели дела 2120 правонарушителей и 1485 лиц, совершивших уголовные преступления [7, с. 119, 132], в том числе растраты и хищения — 446 чел. [ГАХК. Ф.П-35. Оп. 79. Д. 269. Л. 5—6, 135]. К концу 1961 г. в ЕАО функционировало 220 товарищеских судов [Там же. Л. 29].

Некоторой части лиц, совершивших преступления, благодаря товарищеским судам удавалось избежать судебной репрессии, что нарушало другой не менее важный принцип правосудия — принцип неотвратимости наказания. Например, в Приморье в 1970-х гг. в структуре лиц, привлечённых к уголовной ответственности, таковых было 1—3% [подсчит. авт.: ГАПК. Ф. 1210. Оп. 2. Д. 5. Л. 25; Д. 7. Л. 3. Д. 20. Л. 19 и др.]. Более того, доходило до крайности — в товарищеских судах рассматривались дела злостных хулиганов и рецидивистов, что крайне негативно сказывалось на росте преступности. Так, в 1959 г. коллектив Умальтинского рудника Верхне-Буреинского района отказался брать на поруки Б. и Т., совершивших убийство [ГАХК. Ф.П-35. Оп. 101. Д. 15. Л. 17]. Данная ситуация была характерна не только для Дальнего Востока, но и для страны в целом. Под ответственность трудовых коллективов только за второе полугодие 1959 г. на поруки были переданы 116 чел., совершивших умышленные убийства, 222 чел., обвинённые в изнасиловании, и 577 — за разбойные нападения [28]. Поэтому с 1961 г. передача коллективам стала допускаться только в отношении лиц, совершивших впервые незначительные преступления.

В результате двух антиалкогольных кампаний количество преступлений всех видов сокращалось, однако этот эффект был нестабильным. Например, в Приморье итоги антиалкогольной кампании 1972 г. проявились только в 1976 г. снижением количества совершённых преступлений почти на 10%, особенно мелких хищений (в 2 раза) и изнасилований (на 23,5%), незначительно тяжких преступлений (убийств, покушений на убийства, телесных повреждений) — на 6% [ГАПК. Ф. 1210. Оп. 2. Д. 1. Л. 1].

Кампания 1985—1987 гг. дала более ощутимые результаты: за три года сократились преступления почти на 60%, в т.ч. по убийствам, покушениям на убийства, телесным повреждениям, изнасилованию — на 28,6% [Там же. Д. 60. Л. 41; Д. 88. Л. 1].

Но уже с окончанием антиалкогольной кампании 1985—1987 гг. преступность начала расти, например, в Приморье с 1987 по 1991 г. — в 5,5 раз [подсчит. авт.: ГАПК. Ф. 1210. Оп. 2. Д. 1. Л. 1; Д. 7. Л. 3; Д. 10. Л. 4; Д. 13. Л. 1; Д. 35. Л. 1; Д. 50. Л. 3; Д. 88. Л. 1; 19, с. 21] (см.: табл. 2).

Таблица 2

Динамика и коэффициент преступности* на Дальнем Востоке в 1963—1991 гг.

	1963		1970		1991	
	колич. преступлений	коэф.	колич. преступлений	коэф.	колич. преступлений	коэф.
Приморский край	7 181	478	9 219	535	55 763	2 424
Хабаровский край	6 429	516	8 706	646	35 361	1 910
Амурская область	3 158	417	2 648	333	16 638	1 549
Камчатская область	1 575	622	1 725	599	8 509	1 799
Магаданская область	1 911	650	2 420	686	9 003	1 686
Сахалинская область	4 270	676	5 890	956	15 079	2 101
ИТОГО:	24 524		30 608		140 353	

* Количество преступлений на 100 тыс. чел.

Источники: ГАРФ. Ф. А-461. Оп. 11. Д. 2395. Л. 5, 85, 141об, 194об, 213об, 266об; Ф. 8131. Оп. 32. Д. 7027. Л. 11, 17, 20, 73, 105, 164; 15, с. 14; 10; 27, с. 8; 19, с. 21.

Анализ таблицы показал, что в рассматриваемый период рост преступности был весьма существенным. Так, за 28 лет (с 1963 по 1991 г.) количество совершаемых преступлений на Дальнем Востоке выросло в 5,8 раз, а коэффициент — от 2,5 раз в Амурской области до 5 раз в Приморье.

Таким образом, в период с 1960 по 1991 гг. криминальная ситуация на Дальнем Востоке характеризовалась ростом хищений государственной собственности, преступлений против жизни и здоровья граждан, спекуляций. Среди причин можно назвать либерализацию уголовного законодательства, особенно в отношении преступлений экономической направленности, «морскую» специфику региона, имевшего активные экономические связи с заграницей. Не принесли желаемых результатов включение общественности в борьбу с преступностью, а эффект от антиалкогольных кампаний оказался кратковременным. В целом динамика криминальной ситуации в регионе отражала общие тенденции нарастания экономических, социальных и идеологических противоречий в стране и неспособности власти адекватно реагировать на происходящее.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Архив Управления внутренних дел Приморского края.
2. ГАПК (Гос. арх. Приморского края).
3. ГАРФ (Гос. арх. Российской Федерации).
4. ГАХК (Гос. арх. Хабаровского края).
5. Интервью Л.А. Крушановой с И.К. // Личный архив Л.А. Крушановой.
6. Алкоголь: статистика и демография. URL: <http://www.liveinternet.ru> (дата обращения: 03.12.2010 г.).
7. Богданов С.В. Попытки Н.С. Хрущёва активизировать борьбу с экономической преступностью в СССР. URL: <http://www.vestarchive.ru/issledovaniia/1964-popytki-ns-hrysheva-aktivizirovat-borby-s-ekonomicheskoi-prestypnostu-v-sssr.html> (дата обращения: 17.01.2013).
8. Бунич А.П., Гуров А.И., Корягина Т.И. и др. Теневая экономика. М., 1991. 160 с.
9. Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1989. № 3. Ст. 50.
10. Всесоюзная перепись населения 1970 г. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus70_reg1.php (дата обращения: 17.01.2013).
11. Дальний Восток России: экономическое обозрение. Приложение / под ред. П.А. Минакира. Москва: Прогресс-комплекс. Экопрос, 1993. 45 с.
12. Дорохов В.Ж. Милиция Хабаровского края. 1953—1968 гг. Хабаровск: ДВЮИ МВД РФ, 2008. 188 с.
13. Кодекс об административных правонарушениях РСФСР. 1984 г.
14. Кузнецов Д.А. Создание и деятельность добровольных народных дружин в Сахалинской области: история и современность // Сахалин и Курильские острова в истории России: к 65-летию образования Сахалинской области: материалы науч.-практ. конф. Южно-Сахалинск: Изд-во госуниверситета, 2012. С 136—142.
15. Народное хозяйство РСФСР в 1963 г. Статистический ежегодник. М.: Статистика, 1965. 559 с.
16. Организованная преступность Дальнего Востока: общие и региональные черты: учеб пособие / отв. ред. В.А. Номоконов. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1998. 260 с.
17. Официальный сайт МВД. URL: <http://www.mvd.ru> (дата обращения: 03.01.2010 г.).
18. Пирагис А.П. От нагана до компьютера: история Камчатской полиции и милиции (XVIII—XX). В 2 ч. Петропавловск-Камчатский, 2005. 272 с.
19. Преступность и правонарушения (1990—1994): Стат. сборник. М., 1995. 126 с.
20. Раззаков Ф. Начало теневой экономики. URL: <http://lib.rus.ec/b/45663/read> (дата обращения: 01.03.2011).
21. Статистика изнасилований в РСФСР и РФ. URL: <http://lj.rossia.org/users/lqr/233040.html> (дата обращения: 30.12.2012)
22. История международных отношений и внешней политики СССР. В 3 т. М., 1987. Т. 2.
23. Углов Ф.Г. Ломехузы. URL: <http://www.uglov.tvereza.info> (дата обращения: 03.04.2010).
24. Уголовный кодекс РСФСР 1960 г.
25. Уровень, динамика и структура преступности в СССР и России. URL: <http://www.xres.ru>. (дата обращения: 24.03.2011 г.)
26. Фарцовка // Энциклопедия Лукоморье. URL: <http://lurkmore.ru> (дата обращения: 06.01.2013).
27. Чаадаев С.Г. Уголовная политика и преступность. М.: Знание, 1991. 112 с.
28. Чистяков Н.Ф. По закону и совести. М.: Воениздат, 1979. 256 с. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/chistyakov_nf/10.html (дата обращения: 13.01.2013).
29. Шелли Л. Вторая экономика в Советском Союзе. URL: <http://corruption.rsuh.ru> (дата обращения: 18.12.2009).
30. List of countries by intentional homicide rate by decade. URL: <http://en.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 30 декабря 2012).